

ЭС Форум

№ 2 (53) апрель, 2017 г.

БЮЛЛЕТЕНЬ

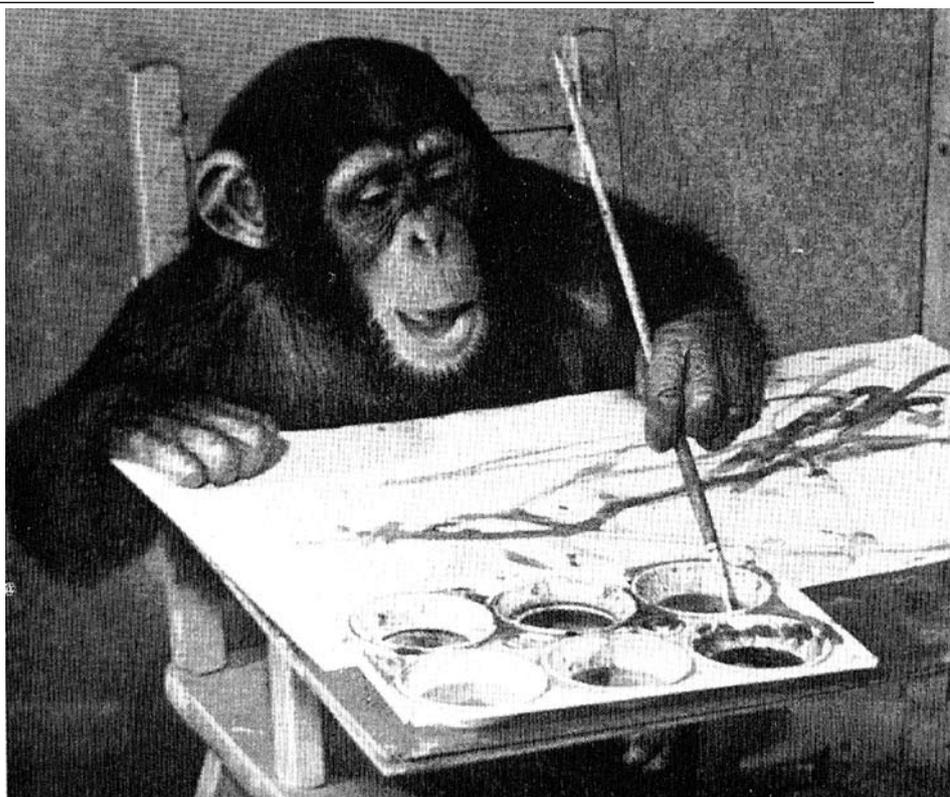
 ЛАБОРАТОРИИ
 ЭКОНОМИКО-
 СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ
 ИССЛЕДОВАНИЙ
ЗНАКОМИМСЯ.....2
 Интервью с
 Ириной Сохань.
 Гастрономическая
 культура в свете
 философии
УЗНАЕМ.....5
 Вода и мир:
 антропологические
 траектории в изучении
 жидкости
УЧИМСЯ.....10
 Потратить время,
 а не деньги. Социальные
 эффекты некоммерческих
 проектов
ШУТИМ.....18
 О братьях наших... рав-
 ных? Рецензия на книгу:
 Ф. Де Валь «Политика у
 шимпанзе: Власть и секс
 у приматов»
Уважаемые читатели!

Нередко представители социальных наук со снобизмом или даже презрением относятся к вопросам, затрагивающим физиологическую или биологическую сторону существования людей на планете. Однако нам и нашим авторам кажется, что в подобном случае социальные науки многое упускают. «Физиология наша – демон, изгнать которого мы не в силах», – говорил Джон Апдайк.

В рубрике «Знакомимся» нового номера «ЭСФорума» представлено интервью с независимым исследователем Ириной Сохань, в котором она рассказывает об исследовании темы гастрономической культуры. Под гастрономической культурой понимаются социальные практики потребления пищи, позволяющие человеку стать самим собой и связывающие его с окружающим миром. В интервью затронута тема разных национальных гастрономических культур, в том числе американской, европейской и русской. Постигнуть последнюю возможно, обратившись к таким концептам, как гастрономическая травма, голод и тоталитарные практики, которые крепко впечатались в коллективную память и самосознание россиян.

В рубрике «Узнаем» опубликованы размышления научного сотрудника ЛЭСИ НИУ ВШЭ Анны Кругловой об эволюции антропологических исследований воды и ее роли в мире. Раньше антропологи рассматривали воду как символически нагруженную и жизненно необходимую субстанцию, с помощью анализа которой возможно описание социальных смыслов и действий людей. В настоящее же время антропологи представляют воду как призму, через которую осуществляется понимание того, как живут люди. Подчеркивается креативный и деструктивный потенциал водных ресурсов в локальном и глобальном порядках властных отношений.

В рубрике «Учимся» представлено эссе студентки Британской высшей школы дизайна Евгении Гержан «Потратить время, а не деньги. Социальные эффекты некоммерческих проектов». В своей работе Евгения Гер-

жан на примере деятельности некоммерческого проекта Handmade Charity обращается к вопросам о том, каким образом происходит активизация граждан и их самоорганизация для решения конкретных социальных проблем, и как подобные добровольческие практики способствуют появлению инфраструктуры, удовлетворяющей насущные запросы на объединение и общность.

В рубрике «Шутим» помещена рецензия стажера-исследователя ЛЭСИ НИУ ВШЭ Анны Соколовой на переизданную в 2016 г. книгу Ф. Де Валя «Политика у шимпанзе: Власть и секс у приматов». Автор рецензии показывает, как исследования в области социобиологии могут помочь в изучении человеческого общества, и обращает внимание социологов на то, что раз уж они верят, что «вещи могут давать отпор», то «восстание обезьян» и вовсе не является фантастикой.

**С пожеланиями интересного чтения,
Создатели ЭСФорума!**

Интервью с Ириной Сохань.

Гастрономическая культура в свете философии

Ирина Сохань

кандидат философских наук,
независимый исследователь

– Как феномен гастрономической культуры оказался в сфере Ваших интересов?

– Моя кандидатская диссертация по философии была посвящена структуре повседневности. И одна из глав была как раз о еде. Вообще в философии тема еды практически не освещалась из-за того, что воспринималась как низовая, слишком физиологичная, даже в рамках постмодернистской философии, реабилитировавшей тему телесности. Только французский философ Э. Левинас¹ сумел ярко и фундаментально представить феномен пищи в качестве предмета именно философского анализа, когда говорил об экзистенциальном значении питания и «искренности голода и жажды».

Суть его теории в том, что мир дан человеку прежде всего как пища. Через пищу человек познает мир и сам воплощается в мире, становясь его частью, принимая мир внутрь себя, причащаясь его материальности. Недаром говорится «человек есть то, что он ест». В некотором смысле это поговорку следует понимать буквально.

Свою нетождественность миру человек ощущает как голод. И чтобы преодолеть ее, он начинает с миром взаимодействовать. Самый базовый

способ – это, конечно, пища. И эта пища выражает жертвенность мира по отношению к человеку. В общем, когда передо мной встал вопрос о выборе темы для докторской диссертации, у меня возник исследовательский драйв: я увидела, что хотя в философии тема еды и присутствует, ее полной концептуализации пока никем не проведено. Я обнаружила там громадный вакуум. Гастрономическую культуру в лучшем случае изучали на уровне отдельных регионов знания: кулинарный треугольник Леви-Стросса, работы Питирима Сорокина, русский космизм в философии. Вместе с тем философское осмысление позволяет подняться на уровень выше, поверх междисциплинарных границ.

– А как можно определить понятие «гастрономическая культура»?

– Можно сказать, что гастрономическая культура — это вся совокупность практик человека, которые связывают его с миром именно в контексте потребления мира как пищи. А поверх этого существует разнообразная культурная обработка и всевозможные смыслы. Так, в современной ситуации мы, например, наблюдаем, как символизм еды перекрывает ее функциональность. И любопытно, что эти веяния абсолютно не новы. Если мы рассмотрим все социальные утопии, то там черным по белому описывается попытка сделать пищу функциональной. Потому что пища разжигает удовольствие, и это очень важно. Самое первое философское произведение о еде – это трактат Порфирия. И когда его читаешь, понимаешь, что века проходят, а актуальность не теряется. Автор там озвучивает практически религиозный зов: не ешьте много, потому что еда превращает душу в тело. Представьте, вот так сказано! И это известно современным психоаналитикам. Например, канадский психоаналитик Мэрион Вудман исследовала проблему ожирения и показывала, что

пациенты, страдающие ожирением, часто воспроизводили идею о том, что тело – это могила, и когда много ешь, то становишься материей. Почему социальные утопии настаивают на функциональности еды? Потому что не должно быть никакого удовольствия, никакого социального контекста, трапезу нужно отделить от воспроизведения общих смыслов, фактически от общего семейного тела, когда речь идет о семейной трапезе. Желательно, чтоб человек просто принял чуть ли ни таблетку и пошел дальше.

– Вспоминается характерная для США ситуация, когда люди относятся к еде как к заправке. Для обозначения потребления пищи появляются такие словоформы, как «refuel». Смысл в том, чтобы «заправиться», а не обращать внимание на символическое.

– Если говорить о гастрономических смыслах американской культуры можно выделить два момента. С одной стороны, это проекция хорошо известного *melting pot*, т.е. востребованность разнообразия кухонь мира. Но главное – фаст-фуд и функциональный подход к еде как к топливу. Европейская культура с ее наслаждением от еды, с ее утрированием стороны, обратной функциональности, отражает иную внимательность к значению тела. Тот же Левинас затрагивает тему еды во времена, когда все говорили: «философия касается только высших тем, а вы нам о земном». Но у него самого был опыт пребывания в концентрационном лагере. И из этого опыта извлечена идея о том, что еда – это больше, чем просто функция – забросил кусок хлеба и побежал. Это вопрос жизни и смерти, вопрос экзистенциальный. Экзистенциальный, а потому и политический.

– В своих работах Вы развиваете идею об этой связи.

– Да, пищевые практики могут рассматриваться, например, как инструмент тоталитарного насилия. Мо-

¹ Левинас Э. *Время и Другое. Гуманизм другого человека*. СПб.: ВРФШ, 1998; Левинас Э. *Избранное. Тотальность и бесконечное*. М.; СПб.: Университетская книга, 2000.

мент власти в еде, безусловно, присутствует. Даже архетипический смысл изначально заключался в том, кто человека кормит, чтобы он не был голодным. Это практически биологический механизм – кормящий распоряжается жизнью кормимого. Максимальный вид зависимости, основанный на еде ввиду ее базового значения для физического выживания и существования. Именно поэтому в утопиях идет речь о конструировании нового типа человека посредством того, что кто-то извне, рационально, прозорливо и «мудро» будет контролировать потребление пищи, купируя удовольствие, и тем самым одухотворяя и развивая, толкая вверх по эволюционной лестнице ускоренными темпами. Сейчас мы уже понимаем природу такого заблуждения, основанного на дуальном понимании человеческой природы.

Тот, кто это делает, имеет над тобой и силу, и власть. Во всех социальных утопиях государство всегда перераспределяет. Почему? Потому что оно знает, как тебя кормить так, чтобы ты не испытывал гипертрофированного наслаждения от пищи. Где гипертро-

фированное наслаждение, там ты, соответственно, кормишь свои пороки. А раз кормишь свои пороки, то превращаешь душу в тело. Только это не религиозный смысл, нет цели спасти душу. Смысл в том, чтобы перенаправить энергию от пороков в нужное направление, которое тебе даст мудрое государство. Историк Тамара Кондратьева показывает, как это работает, на примере России, где существовал контекст еды как «кормления» властью своего народа. Использование такого контекста, конечно, было на определенных этапах развития многих стран, во многих культурах, но пример России здесь оказывается исключительным. Тамара Кондратьева говорит о так называемых «практиках кормления» у русских царей, когда подчеркивалась именно телесная связь, телесное единство между царем и народом. Подарок от царя – кормление своих подданных. И в сталинское время это продолжилось. Почему именно пайки? Зачем номенклатурному работнику привозили домой пресловутый сервелат? Паек – это дозированное удовольствие, разрешенное властью и особенно острое

на фоне всеобщего дефицита. В интерпретации Кондратьевой, смысл заключался в том, чтобы воспроизводилась первичная пищевая связь, подчеркивающая архаические истоки власти, в рамках которой голод оказывается мощной репрессивной практикой. Знаете, я очень люблю зоопарки. Например, в Европе зоопарки поражают меня тем, какие сытые там животные. Иногда мне кажется, что зоопарки вообще отражают лицо страны.

– Если верить анекдотам, в российских зоопарках тиграм не докладывают мясо.

– Да-да. И тут вспоминается «вечная голодность» русского человека. Россия переживала свои гастрономические травмы неоднократно, поэтому голод, дефицит пищи (и память о нем) и соответствующие им практики питания являются фундаментальной частью мировоззрения русского человека, который хронически боится лишиться доступа к пищевым ресурсам. Он привык, что этих ресурсов мало, они могут иссякнуть вне зависимости от его воли, они не отличаются разнообразием и мало ра-

дуют, спуская потребителя на уровень выживания, не позволяя развиваться гастрономически, потому что это возможно лишь в условиях изобилия.

Все это имеет мощные последствия на уровне культуры, порождает особую фиксацию на еде. Можно предположить, что в странах, где не было таких продолжительных и глубоких периодов голода, такого нет. Кондратьева в книге «Кормить и править»² анализирует как раз русскую историю с точки зрения практик кормления, которые являлись существенной частью государственного управления в принципе. Тоталитарный советский проект со спецраспределителями и спецпайками – это вообще ожившая и воплощенная утопия с точки зрения гастрономии.

В России колоссальная травма голода, которая воспроизводится через поколения. При этом российская гастрономическая травма является результатом не только реальных условий, географических, исторических, социальных, но и определенной государственной политики.

– **Доктрина продовольственной безопасности «мы прокормим себя сами» иными словами: «не смотрите на другие государства,**

в этой стране власть занимается кормлением».

– И санкции в таком свете можно рассматривать как то, что власть имеет возможность усечь гастрономическое удовольствие, которое народ уже привык получать. Власть как бы напоминает: вы слишком много едите, нужно ужаться.

– **Вы все время дифференцируете гастрономические культуры по национальному признаку. Они и структурированы как целостные системы с национальным лицом?**

– Да, можно сказать и так, хотя сегодня границы и проницаемы. Гастрономическая культура включает несколько уровней. Первый — уровень предкулинарного, сами продукты, выращенные или напрямую изъятые у природы, та материальная база, из которой приготавливается пища. Следующий уровень – кулинарный, включающий характерную рецептуру приготовления продуктов. С ним связан и тип кухни – региональный, национальный, семейная интерпретация либо совсем девиантный, например, характерный для хроник блокадного Ленинграда обмен рецептами (как почти из ничего приготовить хоть что-то). Следующий уровень – гастрономический, который включает ритуалистику и практики, связанные с тем, как, когда, с кем и при каких обстоятельствах потреблять пищу. Далее идет

уровень гастрономической рефлексии, который имеет три подуровня: кулинарная книга, гастрономическая рефлексия и собственно гастрономическая философия.

С географическими особенностями региона ничего нельзя поделаться. Предкулинарный уровень у эскимосов, которые ловят китов, один, а предкулинарный уровень жителей Италии – совсем другой. Здесь человек напрямую зависит от тех материальных условий, в которых он оказывается, поэтому, когда речь идет, например, о гастрономическом бренде Петербурга, мне это кажется несколько удивительным. Аутентичных продуктов здесь нет, зато есть историки, которые анализируют кулинарные рецепты «блокадной кухни Ленинграда». Но это как раз пример девиантной кухни, феномен, выросший в условиях такой трагедии города в военный период. Гастрономический же бренд Петербурга, как и гастрономический бренд любого другого туристического места, возможен как представление накопленной культурной символики в контексте каких-то продуктов, которые сами по себе вполне заурядны и универсальны.

– **Есть ли в исследованиях попытки упорядочить национальные гастрономические культуры?**

– Я видела подобные работы, но при чтении их возникают претензии к методологии. Допустим, специфика русской национальной культуры – это обработка пищи варкой. Жарение же, обработка огнем, которая ассоциировалась с воздействием духов, не очень приветствовались. Известны случаи, когда рецепты, например, из французской кухни, где много жарят, вызывали сомнения. В старорусской кухне жареные блюда не то что не являлись приоритетными, но даже вызывали отторжение как не соответствующие национальным особенностям. Иностранной кухне сопротивлялись еще и потому, что сложная рецептура скрывала изначальный состав продуктов, вызывала страх ненароком съесть что-то непонятное. А жарение, уменьшающее продукт в объеме, еще и рассматривалось как неэффективная экономическая практика.

² Кондратьева Т. Кормить и править. О власти в России XVI–XX вв. М.: РОССПЭН, 2006.

В гастрономии климатические и исторические особенности страны пересекаются с вопросами национального отношения к жизни. Я слышала от многих людей, что продукты, которые так вкусно есть на территории Италии, уже не так прекрасны дома. Климат имеет непосредственное отношение к ощущениям тела. Возможно, итальянская кухня – это пример особой фиксации на самом способе бытия. Например, в северной Европе в этих ягодных соусах к рыбе скрыто определенное уважение к человеку, к его праву на сытость и наслаждение даже в суровых климатических условиях. А в России, как мне кажется, личность человека не выражена гастрономической культурой, поэтому получают крайности: либо буйное наслаждение и пиры, либо попытка это уничтожить, сказав себе «ешь то, что тебе дали». Право быть сытым в России не относится к числу обязательных, всегда подспудно присутствуют опасения, что сытость питает пороки.

– Что бы Вы порекомендовали прочитать исследователям, которые настроены работать внутри тематического поля, связанного с гастрономической культурой?

– Леви-Стросс поможет в исследованиях национальных кухонь³. Книги Тамары Кондратьевой, как и мои исследования, проблематизируют политический контекст. Обязательно интересоваться теми же утопиями, потому что в них изложен «по сути» политический проект. Есть любопытная книга Юкка Гронова «Икра и шампанское» про потребление роскоши в сталинскую эпоху⁴. Полезными могут стать и психоаналитические исследования пищевого поведения, например, работы Мэрион Вудман⁵, которую я упоминала.

Беседовала Елена Бердышева

³ Леви-Стросс К. Мифологии: сырое и приготовленное. М.: ИД «Флюид», 2006; Леви-Стросс К. Мифологии: происхождение застольных обычаев. М.: ИД «Флюид», 2007.

⁴ Gronow Y. Caviar with champagne: Common luxury and the ideals of the good life in Stalin's Russia. Oxford; New York: Berg, 2003.

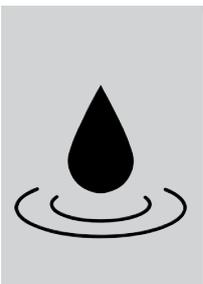
⁵ Woodman M. The owl was a baker's daughter: Obesity, anorexia nervosa, and the repressed feminine. Toronto: Inner City Books, 1980.

Вода и мир: антропологические траектории в изучении жидкости

Анна Круглова

научный сотрудник ЛЭСИ
НИУ ВШЭ

Марсель Мосс однажды ввел в употребление понятие тотального социального факта¹ – деятельности, которая объединяет в себе все аспекты общества от социальных и экономических до политических, правовых и религиозных и имеет значимые и явные последствия для них. Вода похожа на тотальный социальный факт тем, что это метавещество с огромным политическим, экономическим, социальным и культурным значением. И все же те самые повсеместность, банальность и каждодневная необходимость воды делали ее невидимой для антропологов в течение долгого времени и до недавнего момента.

Для того чтобы описать концептуальное и методологическое использование воды в антропологии, я буду описывать те изменения, которые происходили со взглядом антропологов на воду. Самые ранние этнологические и антропологические работы включали то, что можно назвать контекстуальными описаниями использования воды. Вода рассматривалась как символически богатая и мате-

риально необходимая субстанция, которая, тем не менее, была лишь частью основного антропологического фокуса на человеческие смыслы и действия – прежде всего, хозяйственную и магическую деятельность. Во второй половине XX в. тема воды приобрела более заметное значение, постепенно превращаясь в метод или призму, через которую человеческие жизни можно было описывать и понимать. Это отражало растущую обеспокоенность по поводу устойчивого использования воды, ее роли в местных и глобальных играх власти, а также ее творческого и разрушительного потенциала. Это также обусловило все более широкие междисциплинарные обмены между антропологией, политической экологией (Political Ecology), географией, историей, исследованиями в области развития (Development Studies) и исследованиями науки и технологий (Science and Technology Studies, STS). В два последних десятилетия вода стала для антропологов центральным предметом обсуждения и переосмысления, приобретая статус самостоятельного агента и даже реальности «в себе» или «самой по себе» – реальности, от которой мы так сильно зависим, но которую, как ни странно, мы так мало знаем и еще меньше контролируем.

В процессе орошения растений, производства или транспортировки предметов и одомашнивания животных люди обеспечивали свое биологическое существование изменением назначения воды в своей среде, а антропологи записывали эти практики, помещая их в социальный, культурный и исторический контексты. Хотя классические этнографии были нацелены главным образом на выявление, например, структуры, функций или моделей человеческих обществ, они также были привержены

¹ Подробнее см.: URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Social_fact#Mauss.27s_total_social_fact

принципам о детальном и всестороннем этнографическом описании человеческой культуры и организации как целого образа жизни, установленным Брониславом Малиновским. Мы можем увидеть воду как часть образа жизни в описаниях аргонатов Западной части Тихого Океана и Тробрианских мореходов кольца Кулы², всесторонних и подробнейших описаниях пастушьей жизни нуэров и охоты на ведьм среди азанде³, эротизма островов Самоа⁴ и стратегической борьбы за статус среди норвежских рыбаков⁵. Известно, что Клиффорд Гирц, представляя некоторые марксистские и экологические перспективы, которые в его время разрабатывались наравне с его собственным невероятно популярным «текстовым» подходом к интерпретации культур, написал известную работу⁶ о ключевой роли дефицита и избытка воды в индивидуалистических и коллективистских тенденциях на различных уровнях организации, сравнивая Индонезию, где вода в избытке, и Марокко, где ее цена высока, а количество очень невелико.

Символические и лингвистические антропологи одними из первых обратились к воде именно как предмету исследования. Тот факт, что люди, живущие в арктических регионах, имеют многочисленные названия для различных видов снега, является одним из самых стойких представлений антропологического знания в массовой культуре. Призванный демонстрировать идеи культурного релятивизма и взаимного структурирования языка и разума, он может также служить примером более раннего использования водных тем в антропологии. Аналогичным образом антропологи зафиксировали названия объектов, в том числе и водных, и их связь с местными космологиями и методами создания и обустройства значимых для людей мест⁷. Универсальный соединитель, растворитель и очиститель, а также всегда готовый к применению и первый приходящий на ум символический ресурс, вода во всем мире является элементом ритуальных и религиозных обрядов для христиан, мусульман, индусов, синтоистов, коренных американцев и многих других духовные группы и практиков.

² Malinowski B. *Argonauts of the Western Pacific: An account of native enterprise and adventure in the archipelagoes of Melanesian New Guinea*. London: Routledge, 2002 [1922].

³ Evans-Pritchard E. *Witchcraft, oracles and magic among the Azande*. Oxford: Clarendon Press, 1937; Evans-Pritchard E. *The Nuer: A description of the modes of livelihood and political institutions of a Nilotic people*. Oxford: Clarendon Press, 1940.

⁴ Mead M. *Coming of age in Samoa: A psychological study of primitive youth for western civilization*. Blue ribbon books, 1936. Mead M. *The Role of small South Sea cultures in the post-war world* // *American Anthropologist*. 1943. Vol. 45. No 2. P. 193–197.

⁵ Barth F. *Models of social organization*. London: Royal Anthropological Institute, 1966.

⁶ Geertz C. *The wet and the dry: Traditional irrigation in Bali and Morocco* // *Human Ecology*. 1972. Vol. 1. No 1. P. 23–39.

⁷ Grinnell G. *Bird*. *Cheyenne stream names* // *American Anthropologist*. 1906. Vol. 8. No. 1. P. 15–22.; см. также как наиболее популярный из сравнительно поздних анализов значения мест и имен в культуре: Basso K.H. *Wisdom sits in places: Landscape and language among the Western Apache*. Albuquerque: UNM Press, 1996.

Однако вода – это не только метафора и метод для очистительного намаза, волны поэтического вдохновения, и мягкой силы боевых искусств, например, айкидо. Во многих практиках вода выступает и в менее «мягких» и «чистых» ипостасях: например, черноногие (блэкфит) индейцы Канады и Америки⁸ использовали воду и изображения страшных водных существ в довольно жестких практиках детского развития и социализации. Вода, системы ирригации и водоснабжения всегда были неразрывно связаны с технологиями власти. Современные системы водоснабжения могут быть прекрасно описаны в рамках концепта дисциплинарной власти Мишеля Фуко (который, как известно, также называл современную власть «капиллярной»), а способы потребления воды – в рамках системы классов и капиталов Пьера Бурдьё. Наличие воды и многочисленные виды ее физического использования имели решающее значение для изучения смены социальных порядков⁹.

Эта общая заинтересованность в вопросе власти росла наряду с интересом к контрастам и конфликтам, наступающим в «моральных экономиках» воды¹⁰. Идея и использование воды как дара, неотъемлемого владения, права человека и истощаемого ресурса противоречила идее воды как товара и предмета всеобщего потребления. То, что можно назвать перспективой «социальной жизни воды»¹¹, стало главной парадигмой, демонстрирующей, как в конечном итоге пагубно и саморазрушительно отделять инструментальное использование от символического, особенно когда дело касается элементов, имеющих ключевое значение для выживания человечества.

Экологические проблемы разъяснялись с помощью взглядов коренных народов на воду¹². Антропологи и политические экологи обратили внимание всего мира на то, как вода встроена в экономику натурального хозяйства и производство социальных ценностей и смыслов в тропических лесах и других ландшафтах коренных народов Северной, Южной и Центральной Амери-

⁸ McAllester D. *Water as a Disciplinary Agent among the Crow and Blackfoot* // *American Anthropologist*. 1941. Vol. 43. No. 4. P. 593–604.

⁹ Geertz C. *The wet and the dry: Traditional irrigation in Bali and Morocco*; Fabricant N., Hicks K. *Bolivia's next water war historicizing the struggles over access to water resources in the twenty-first century* // *Radical History Review*. 2013. No. 116. P. 130–145; Sheridan M.J. *An irrigation intake is like a uterus: Culture and agriculture in precolonial North Pare, Tanzania* // *American Anthropologist*. 2002. Vol. 104. No. 1. P. 79–92; Rademacher A., Rocheleau D.E. *Reigning the river: urban ecologies and political transformation in Kathmandu*. Durham: Duke University Press, 2011.

¹⁰ Trawick P. *The moral economy of water: Equity and antiquity in the Andean commons* // *American Anthropologist*. 2001. Vol. 103. No. 2. P. 361–379.

¹¹ *The social life of water* / ed. by J.R. Wagner. New York: Berghahn, 2013.

¹² См. особенно обзор: Orlove B., Caton S.C. *Water sustainability: anthropological approaches and prospects* // *Annual Review of Anthropology*. 2010. Vol. 39. P. 401–415.

ки¹³, а также в Африке¹⁴, Океании¹⁵ и Австралии¹⁶. Они показали, как органично вода интегрирована в местный технологический, социальный и символический мир. Данная интеграция, несмотря на распространение капитализма в этом «Четвертом мире», делает невозможной повсеместную коммерческую эксплуатацию воды, во всяком случае, не нарушая этих символических сакральных систем. Эта неотделимость и взаимосвязь социальных, экологических и космологических знаний и организаций особенно ярко проявилась

тогда, когда земли коренных народов были вспаханы, запружены и разрушены в результате распространения капитализма, что сделало их частью глобальной добычи и рыночного оборота воды¹⁷. Антропологи исследуют местные, национальные и международные схемы управления водными ресурсами, в частности, крупные споры о плотинах¹⁸, проекты перенаправления рек из их естественных русел и районов, где население веками зависело от них, вызывая засухи и эндемные «водные войны»¹⁹, а также повседневную реальность в ме-

¹³ Nietschmann B. *Between land and water: The subsistence ecology of the Miskito Indians, Eastern Nicaragua*. Seminar Press, 1973; Gragson T.L. *Fishing the Waters of Amazonia: Native Subsistence Economies in a Tropical Rain Forest* // *American Anthropologist*. 1992. Vol. 94. No. 2. P. 428–440; Raffles H. “Local theory”: Nature and the making of an Amazonian place // *Cultural Anthropology*. 1999. Vol. 14. No 3. P. 323–360; Trawick P. *The moral economy of water: Equity and antiquity in the Andean commons*.

¹⁴ Sheridan M.J. *An irrigation intake is like a uterus: Culture and agriculture in precolonial North Pare, Tanzania*; Lees S.H. *Coping with bureaucracy. Survival strategies in irrigated agriculture* // *American Anthropologist*. 1986. Vol. 88. No. 3. P. 610–622

¹⁵ Jennaway M. *Aquatic identities, fluid economies: Water affinities and authenticating narratives of belonging in East Timorese myth and ritual* // *Oceania*. 2008. P. 17–29.

¹⁶ Strang V. *Gardening the world: Agency, identity and the ownership of water*. Oxford; New York: Berghahn Books, 2013.

¹⁷ Bakker K. *Privatizing water: Governance failure and the world's urban water crisis*. Cornell University Press, 2010; Kaplan M. *Fijian water in Fiji and New York: Local politics and a global commodity* // *Cultural Anthropology*. 2007. Vol. 22. No 4. P. 685–706.

¹⁸ См. в Папарвае: Folch C. *Surveillance and state violence in Stroessner's Paraguay: Itaipu hydroelectric dam, archive of terror* // *American Anthropologist*. 2013. Vol. 115. No. 1. P. 44–57; в Египте: Geiser P. *The myth of the dam* // *American Anthropologist*. 1973. Vol. 75. No 1. P. 184–194.

¹⁹ Cruz-Torres M.L. *Lives of dust and water: An anthropology of change and resistance in northwestern Mexico*. University of Arizona Press, 2008; Vasquez-Leon M. *Hispanic farmers and farmworkers: Social networks, institutional exclusion, and climate vulnerability in Southeastern Arizona* // *American Anthropologist*. 2009. Vol. 111. No. 3. P. 289–301; Muehlmann S.R. *Languages die like rivers: Entangled endangerments in the Colorado Delta* // *Endangerment, Biodiversity and Culture* / ed. by F. Vidal, N. Das. London: Routledge, 2015; Olivera O. *The water war* // *Cochabamba! Water war in Bolivia*. Cambridge, MA: The South End Press, 2004. P. 7–49.

стах нефтяных разливов²⁰. Вода, столь необходимая для биологической жизни и столь легко определяемая как частная собственность, стала предметом озабоченности для юристов и антропологов, занимающихся вопросами развития, которые все чаще подвергали сомнению евроцентрические и другие этноцентрические определения прав человека и собственности и капиталистическое отношение к тому, что можно назвать общечеловеческими ценностями²¹. Антропологический анализ этих вопросов и катастроф производится в сотрудничестве с анализом использования водных и других ресурсов у коренных народов.

Все мы хоть раз задавались вопросом, почему в летнюю жару бутылка воды иногда стоит дороже, чем бутылка пива или газированного напитка. Экономические антропологи сосредоточились на рыночном обороте коммодифицированной воды и на том, что можно назвать глобальной политикой питьевой жидкости²². Сменяющиеся значения производства и потребления воды освещают, как знания о здоровье и окружающей среде могут быть взаимосвязаны и меняться с течением времени, и, следовательно, как вода и ее ресурсы могут быть переосмыслены в разных социально-экономических условиях. В рамках «семиотики питья» Пол Мэннинг рассказал о том, как паттерны производства и потребления бутилированных напитков, сделанных из известных местных вод, стали маркером региональной идентичности и частью националистической идеологии в Грузии²³.

Люди, подобно воде, не только мигрируют или «текут» по всему миру, но также все чаще стремятся объединиться в определенных местах. Такие места часто превращаются в трущобы, в которых царят серьезные проблемы с водоснабжением и канализацией. Дефицит воды в местах с высокой плотностью населения побуждал антропологов изучать связь между политикой распределения воды и физикой воды и инфраструктур водоснабжения, в частности, в Индии²⁴. Нихил Ананд исследовал культуру

и борьбу за власть среди политиков, жителей и инженеров Мумбаи²⁵, показывая, как повседневная и политическая жизнь города структурирована наличием сложных и довольно ненадежных систем городских водопроводов. В похожей этнографии политической повседневности воды в Египте Джессика Барнс показала, как египетская система каналов влияет на социальную и политическую жизнь на всех уровнях: от крестьянского дома до министерства и международной конференции²⁶.

Начиная с 1980-х годов, как социальные теоретики, так и широкая общественность все чаще используют «водяные метафоры» (потоки, текучесть, круговорот, ликвидность и т.д.) для теоретизации эпохи глобализации. Однако всепроницаемость и растворение, характерные для воды, могут быть поняты и в гораздо более темном свете. Ядерные реакторы Фукусима Дай-Ити в Японии продолжают проливать и распространять радиоактивные изотопы в подземные водоносные горизонты и по всему Тихому океану. В публичном дискурсе в Японии, как показывает Энн Эллисон²⁷, «жижа» и «замутнение» стали основными метафорами для травматического распада социальных и базовых человеческих связей. Последствия урагана Катрина в Новом Орлеане²⁸ показали не только устойчивость местных общин, но и хрупкость современной материальной и политической инфраструктуры в реализации их функции защиты человеческой жизни и человеческого достоинства. Таким образом, отравленные и неконтролируемые воды и грязь связывают физику и метафизику воды с темами дефицита и прекарности²⁹ японского, американского и глобального состояния.

С одной стороны, экологические проблемы, увеличение числа наводнений и засух, недавние катастрофические цунами в Тихом и Индийском океанах, а также ураганы в США, таяние льда и повышение уровня воды в мировых океанах показали, насколько мы ошибались, когда думали, что вода – это лишь готовый к использованию инструмент, контекст или ресурс. Вода игнорирует наши попытки контролировать ее. С другой стороны, развитие наук о жизни и Земле, медицинской антропологии и антропологии тела, и общее повышение волатильности и неопределенности мира в связи с огромным потоком информации³⁰ породило призывы переориентировать со-

²⁰ Bond D. Governing disaster: The political life of the environment during the BP oil spill // *Cultural Anthropology*. 2013. Vol. 28. No 4. P. 694–715.

²¹ Fondahl G. Where is indigenous? Legal productions of indigenous space in the Russian North, in *Nomadic and Indigenous Spaces // Productions and Cognitions* / ed. by J. Miggelbrink, J. Otto Habeck, N. Mazzullo, P. Koch. Farham: Ashgate, 2013. P. 77–89; Roth D., Boelens R., Zwartveen M. Liquid relations: Contested water rights and legal complexity. New Brunswick: Rutgers University Press, 2005; Pradhan R., Meinzen-Dick R. Which rights are right? Water rights, culture, and underlying values // *Water Nepal* 2003. Vol. 9. No 19. P. 37–61.

²² Kaplan M. Fijian water in Fiji and New York: Local politics and a global commodity.

²³ Manning P. *Semiotics of drink and drinking*. A&C Black, 2012.

²⁴ Aiyer A. The allure of the transnational: Notes on some aspects of the political economy of water in India // *Cultural Anthropology* 2007. Vol. 22. No 4. P. 640–658; Mosse D. The rule of water: Statecraft, ecology and collective action in South India. Oxford: Oxford University Press, 2003; Tam S. Sewerage's Reproduction of Caste: The Politics of Coprology in Ahmedabad, India // *Radical History Review Issue*. 2013. No 116. P. 5–30.

²⁵ Anand N. Pressure: The politeness of water supply in Mumbai // *Cultural Anthropology*. 2011. Vol. 26. No 4. P. 542–564.

²⁶ Barnes J. *Cultivating the Nile: The everyday politics of water in Egypt*. Durham; London: Duke University Press, 2014.

²⁷ Allison A. *Precarious Japan*. Durham; London: Duke University Press, 2013.

²⁸ Pena A.H. Wade in the water: Personal reflections on a storm, a people, and a national park // *American Anthropologist*. 2006. Vol. 108. No 4. P. 781–798; Jackson J.M. Declaration of taking twice: The Fazendeville community of the lower ninth ward // *American Anthropologist*. 2006. Vol. 108. No 4. P. 765–780; Colten E. Vulnerability and place: Flat land and uneven risk in New Orleans // *American Anthropologist*. 2006. Vol. 108. No 4. P. 731–734.

²⁹ URL: <https://en.wikipedia.org/wiki/Precarity>

³⁰ Beck U. *Risk society: Towards a new modernity*. Vol. 17. London: Sage, 1992.

циальную теорию от социального-конструктивистской, символической и другой репрезенталистской эпистемологии к тому, чтобы «серьезно» отнестись к вещам именно в их «материальном» и «онтологическом» аспектах³¹. Новые подходы к материализму³² строятся на понимании того, что люди являются биологическими существами в мире, который они делят вместе с другими существами. Сама семиотика, включая семиотику воды, в наши дни понимается не просто как «значение», а как неотделимая от физических качеств вещей и субстанций и наших телесных отношений с ними³³.

Новые исследования материальности также включают «онтологию» воды как мощного, независимого и загадочного агента в этом мире, о котором мы мало знаем. Стефан Хельмрих писал об этнографии океана³⁴, которая доводит до нашего сведения «чуждость» морской воды, представляя океаны не просто как «неисследованные человеком» и потому потенциально «осваиваемые» пространства, а как самостоятельного и главного агента действия на нашей планете, которого мы умудряемся (возможно, из чувства самозащиты) игнорировать именно в этой его роли. Стюарт Маклин исследует отсутствующие водные и сухопутные границы в Венеции³⁵, чтобы доказать, что творчество простирается за пределы человеческой сферы и включает «самосовершенствование» независимой от нас материальной вселенной. Политические экологи, следуя этому примеру, воспринимают реальность «всерьез» и привлекают онтологию пространства и времени, чтобы продемонстрировать, как видения будущих водных ландшафтов перекалибруют местную борьбу за сохранение водных ресурсов³⁶.

Россия – не Тробрианские острова и не «островная» культура, но количество воды, особенно пресной, делает водные темы важными для России. Желание поселиться на берегу рек и озер можно назвать привычкой, но можно осознавать это и как привилегию, как основу для национальной идентичности, как онтологию, как особенность, чью значимость и для прошлого, и для будущего страны трудно переоценить. В России антропологическая и этнологическая работа с водой в основном отражает первую и вторую стадии из описанного

³¹ См. обзор: Kohn E. Anthropology of ontologies // *Annual Review of Anthropology*. 2015. No 44. P. 311–327.

³² См., например, обзор: Coole D., Frost S. Introducing the new materialisms // *New materialisms: Ontology, agency, and politics* / Durham, NC: Duke University Press, 2010. P. 1–43.

³³ Lemon A. Touching the gap: Social qualia and Cold War contact // *Anthropological Theory*. 2013. Vol. 13. No 1–2. P. 67–88; Manning P. *Semiotics of drink and drinking*. London; New York: A&C Black, 2012.

³⁴ Helmreich S. *Alien ocean: Anthropological voyages in microbial seas*. Berkeley: University of California Press, 2009.

³⁵ McLean S. Black Goo: Forceful Encounters with Matter in Europe's Muddy Margins // *Cultural Anthropology*. 2011. Vol. 26. No 4. P. 589–619.

³⁶ Hughes D. McDermott. Third nature: Making space and time in the Great Limpopo conservation area // *Cultural Anthropology*. 2005. Vol. 20. No 2. P. 157–184.

выше пути развития отношений антропологов с темой воды. Наибольшее внимание привлекают символическое, магическое и космологическое значение рек и озер в различных российских цивилизациях³⁷, а также фольклорные и лингвистические исследования топонимики водных объектов³⁸. Объяснимое внимание уделяется популярному у нас водолечению³⁹. Хотя инфраструктурное и другие значения рек и озер делают их естественными объектами внимания как антропологов, так и местных жителей, особенно интересным проектом стало бы (такие работы мне не известны) антропологическое осмысление «болотной» жизни в России (в небольшом объеме, как часть общего проекта о Европейских болотах, его сделал Стюарт Маклин⁴⁰). Кроме так называемых «традиционных» и «этнических» систем осмысления и использования воды, заслуживает внимания и то, как используется вода в современной жизни, как вырастают в повседневные практические и символические «водные» практики и онтологии, различные установки мировых религий, а также местные интеллектуально-философские традиции, связанные с именами Гумилева, Федорова и других мыслителей, которые ратовали именно за экологически-целостное восприятие мира. В целом в России мало исследованы набирающие популярность экологические движения и экологические поселения (см. работу Вероники Давыдов⁴¹; примером такого исследования в постсоциалистическом пространстве Венгрии может служить работа Кристи Харпер⁴²). Отдельного исследования и как минимум книги заслуживают история и особенно современная жизнь вокруг масштабного советского проекта по электрификации всей страны, который связал российские пространства не только сетью «лампочек Ильича», но и системой гидроэлектростанций.

³⁷ Fondahl G., Sirina A. Lake Baikal Region, Russia // *Indigenous World* / ed. by S. Stidsen. Copenhagen: IWGIA, 2006. P. 56–60; Пашкевич О.И. Почитание стихии воды как особенность национального мировосприятия (на материале якутской прозы) // *Вестник Челябинского государственного педагогического ун-та*, 2014. № 8; Ермакова Е.Е., Повод Н.А. Традиции в народной гигиене и медицине Коми юга Тюменской области // *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. 2007. № 7; Павлинская Л. Р. Реки и народы Сибири: сб. науч. статей. СПб.: Наука, 2007.

³⁸ Как например: Дьяченко В.И. К разнообразию топонимики на карте Таймыра (русские гидронимы Восточного Таймыра) // *Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН*. URL: http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-88431-195-4/

³⁹ Katalin J., Kharitonova V.I. The miracle of healing with water. The practice of healing with water from the point of view of a medical anthropologist // *Medical Anthropology and Bioetics*. 2012. No 3.

⁴⁰ McLean S. Stories and cosmogonies: Imagining creativity beyond “nature” and “culture” // *Cultural Anthropology*. 2009. Vol. 24. No 2. P. 213–245.

⁴¹ Davidov V. Beyond Formal Environmentalism: Eco-Nationalism and the “Ringing Cedars” of Russia // *Culture, Agriculture, Food and Environment*. 2015. Vol. 37. No 1. P. 2–13.

⁴² Harper K. “Wild capitalism” and “cocolonialism”: A tale of two rivers // *American Anthropologist*. 2005. Vol. 107. No 2. P. 221–233.

Антропология инфраструктур, уже устойчиво существующая как самостоятельная под-дисциплина⁴³, ждет своих поклонников в стране, где около века подача дешевой горячей воды в дома была (как я могу только предполагать, хотя и не без оснований) повсеместной, банальной и потому «невидимой» материальной основой успеха советского проекта; а вполне идеологизированная и «видимая» история включала планы, частично осуществленные, по постройке каналов и перенаправлению рек. Готовым компактным и чрезвычайно интересным антропологическим кейсом для интересующихся социально-политическими и культурными исследованиями науки и технологий стало бы сенсационное открытие озера Восток в Антарктиде. В 2012 г. этот проект попал в мировые заголовки газет. Высказывались опасения о том, что вскрытие закованного миллионы лет в антарктический лед озера может принести в мир бактерии и вирусы, к которым у людей нет иммунитета, и надежды на то, что изучение озера поможет в будущем освоении вод космоса (например, на спутниках Юпитера). Древнее озеро буквально стало «линзой», в которой антрополог увидел бы пересечения представлений о доисторическом прошлом и технологическом будущем, смещение масштабов геополитических проектов со страхами и восторгами по поводу каждого сантиметра поднятого на поверхность воды озера, а также неизвестную нам местную жизнь, которой живут «вокруг» озера чиновники, ученые, местные жители и местная фауна. Хотя Россия зачастую воспринимается как устойчивая именно к климатическим катастрофам страна, мы также чувствуем на себе последствия глобальных климатических перемен – в частности, наводнения, которые уже случаются с достаточной регулярностью. В целом даже из этого краткого обзора видно, что антропологов воды в России ждет буквально, океан работы.

Потратить время, а не деньги. Социальные эффекты некоммерческих проектов

Евгения Гержан

студентка факультета
маркетинга и бренд-менеджмента
Британской высшей школы
дизайна

Данная работа обращается к вопросам активизации граждан и мобилизации их коллективных возможностей для решения конкретных социальных задач в условиях, когда структура общества усложняется, и в нем происходят различные динамические процессы. Некоммерческие социальные проекты можно рассматривать как материализацию коллективного запроса граждан на общность. Более того, деятельность некоммерческих проектов выражает не только интересы их непосредственных участников, но и потребности различных общественных групп, в частности интересы сравнительно узких групп нуждающихся¹. Интересы последних в силу своей нетипичности часто выпадают из поля государственной социальной политики, а некоммерческие проекты из-за близости к благополучателям повышают качество существующих социальных решений. В России практики объединения и самоорганизации носят разрознен-

ный характер, условием для повышения их жизнеспособности и тиражируемости является благоприятная инфраструктура, которая, на наш взгляд, пока еще отсутствует². В нашем исследовании, во-первых, предпринята попытка рассмотреть феномен самоорганизации граждан исходя из практического опыта москвичей, вовлеченных в волонтерскую деятельность некоммерческого проекта Handmade Charity. Во-вторых, мы проанализировали, как подобная деятельность создает инфраструктуру, удовлетворяющую запросу общества на общность.

Основная идея данного исследования заключается в том, чтобы продемонстрировать, что деятельность некоммерческого проекта прагматична, направлена на решение конкретной социальной проблемы и ориентирована на развитие горизонтальных связей, самоорганизацию, самоуправление и сотрудничество с другими социальными агентами. Именно посредством создания инклюзивной среды социальные проекты способствуют преодолению конкретной социальной проблемы, в частности разрушает стереотипы в отношении людей с синдромом Дауна.

Исследование основано на качественном методе сбора и анализа данных с применением двух методологических процедур: интервью и участвующее наблюдение. В выборку исследования вошли как основатели проекта, волонтеры, принимающие участие в проекте на постоянной основе или эпизодично, так и сторонние наблюдатели, которые однажды присутствовали в месте проведения праздника, но не принимали в нем участие. Таким образом, в выборку включены различные типы участников проекта, зондируются различные социальные по-

⁴³ Niewöhner J. Anthropology of infrastructures of society // International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences. No 12. P. 119–125, Occasional Papers 23.

¹ Краснопольская И., Мерсиянова И. Гражданское общество как среда производства и распространения социальных инноваций // Форсайт. 2014. Т. 8. № 4. С. 40–53.

² Там же. С. 40–53.

зиции и, следовательно, различные видения изучаемого феномена, поэтому выборка сконструирована как гетерогенная для обеспечения максимальной вариации мнений. Всего с апреля по май 2016 г. было проведено 15 глубинных полуформализованных интервью. Для более полного понимания изучаемой социальной практики использовался метод включенного наблюдения. Наблюдение осуществлялось на протяжении семи месяцев с ноября 2015 г. по май 2016 г., каждое воскресенье во время праздников Handmade Charity, исследователь выступал в роли волонтера проекта. Все происходящее фиксировалось на фото- и видео-технику, а значимые для исследования фразы и прецеденты записывались в исследовательский электронный блокнот. Также были использованы публичные данные Handmade Charity: веб-сайт handmadecharity.ru, страницы проекта в социальных сетях Facebook и Instagram.

Handmade Charity

Некоммерческий проект Handmade Charity проводит творческие и кулинарные мастер-классы для детей с ограниченными возможностями в городских кафе. Деятельность НМС направлена на решение двух социальных задач: во-первых, разрушить стереотипное представление о том, что помогать – это трудно и материально затратно, и, во-вторых, преодолеть стигму, которой наделены в нашем обществе дети с синдромом Дауна.

Проект полностью некоммерческий, все детские праздники организуются за счет коллективных сил. Каждый волонтер вносит в проект то, что он может предложить: покупает подарки детям, подвозит на машине тех, кому сложно передвигаться по городу самостоятельно, раскрашивает желающих аквагримом или перевоплощается в клоуна, договаривается с площадкой для проведения праздника и т.д.

Проект является, во-первых, полностью открытым, т.е. любой желающий может как присоединиться к организации праздника, так и просто принять в нем участие, и, во-вторых, публичным, так как все праздники проходят в местах обще-

Рис 1. В 2014 г. основателям проекта совместно с Сергеем Капковым, на тот момент министром культуры, удалось провести премию «добрых мест», на которой они вручали представителям городских кафе и ресторанов собственные сертификаты социальной ответственности

ственного питания и на время проведения праздника кафе или ресторан не закрываются, поэтому каждый посетитель кафе может наблюдать за тем, что происходит.

От общества к сообществу в современном городе: теоретические основы исследования

Трансформационные процессы, происходящие в современном мире, обуславливают формирование качественно иной основы общества³. М. Вебер характеризовал город как «поселение в тесно соприкасающихся друг с другом домах, которое настолько велико, что в нем отсутствует специфическое для общества соседей личное знакомство друг с другом»⁴. Несмотря на крайнюю территориально-физическую близость живущих в городе людей, за ней скрывается отсутствие какого-либо личного отношения соседствующих людей друг к другу. При сокращающейся физической дистанции между людьми социальная дистанция между ними стремительно возрастает. Существует обратная

зависимость между размером города и социальной дистанцией между индивидами: так, с ростом города и числа кратковременных межличностных контактов социальная дистанция не сокращается, а напротив, стремительно увеличивается. Человек в городе – сам по себе. Это связано как с развитием капиталистических рынков, формирующих новые ценности, так и с переходом к эпохе постмодерна, культура которого направлена на отрицание устоявшихся норм и традиций, формирование новых ценностей и в первую очередь ценностей индивидуализма. Таким образом, классики социологии наблюдали, как в современном городе появляется *человек индивидуальный* – индивид мыслящий и думающий⁵. При этом отношения нового горожанина с другими имеют договорной характер, основанный на рациональной воле, и направлены на получение личной выгоды⁶. Самому же обществу присущи увеличение социальной дистанции, отчуждение, разрыв тесных

³ Тённис Ф. Общность и общество / пер. с нем. А.Н. Малинкина // Социологический журнал. 1998. № 3–4. С. 206–229.

⁴ Вебер М. История хозяйства. Город. М.: Канон-Пресс-Ц, 2001.

⁵ Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. 1997. Т. 4. С. 6–32.

⁶ Люббе Г. В ногу со временем. Сокращенное пребывание в настоящем / пер. с нем., под науч. ред. В. Куренного. М.: Изд. дом ВШЭ, 2016.

социальных связей, процесс атомизации, что в совокупности снижает социальный капитал как отдельного индивида, так и города в целом. В том обществе, которое обнаруживалось классиками европейской социологии в современном городе, люди неохотно объединяются ради общей цели. Понятие социального капитала, введенное П. Бурдьё для обозначения социальных связей и отношений, является продуктом общественного производства – это, выражаясь другими словами, есть способность индивидов, проживающих на одной территории, действовать сообща ради общей цели. Другая концепция социального капитала, предложенная Дж. Коулманом, также представляет социальный капитал общественным благом, но создаваемым свободными и рациональными индивидами для достижения собственных выгод⁷. Рациональный характер отношений в современном городе влияет и на восприятие темпоральности, так как социальная структура встроена в социальную конструкцию времени и пространства, и с момента появления социокультурного концепта «время–деньги» влияние последних на социальное конструирование времени имеет серьезное прикладное значение. В аграрном обществе время было коллективным, циклическим и непрерывным, все события переживались сообща, не было резкого разделения на время труда и досуга⁸. Индустриальное общество реформировало этот цикл. У человека появилось индивидуальное время, которое он мог проводить вне коллектива, и время, в котором он трудился. Подобное мышление о связи времени и денег породило рациональное использование времени. Общая установка современного общества – императив «окупаемости» затраченного времени на какую-либо деятельность. И если время, за-

траченное на коллективную работу, не воплощается в будущем в материальном измерении, то его можно считать потраченным впустую. Потребительское отношение к высвобождающемуся времени размывает континуум «труд–досуг», но не отменяет того факта, что время, потраченное на выполнение каких-либо коллективных, социальных обязанностей, потенциально способствует возвращению в общество солидарности, присущей сообществу. Такой взгляд близок американской городской социологии.

Если для классиков европейской социологии город – это крупномасштабное пространство разрыва традиционных социальных связей, то для представителей американской социологии – «чикагцев» Роберта Парка, Энтони Берджесса, Луиса Уирта, Уильяма Уорнера – город есть «точка сборки» новых социальных общностей. Именно чикагская школа, многим обязанным теориям Георга Зиммеля, снимает европейскую антиномию «город – сообщество». Теперь города не противопоставляются сообществам, а состоят из них. При этом существует множество определений сообщества. Единственное, в чем все эти определения сходятся, – сообщество объединяет людей⁹. Это объединение может быть основано по признаку хабитата, т.е. на территориальном основании. Или же, следуя антропологической традиции, в которой сообщества рассматриваются как социально-культурные образования, отличающиеся собственным уникальным укладом жизни, объединение определяется через его инаковость. Эти два подхода представляются жесткими «корсетами», предлагающими принципиально отличные основания сообществ, в то время как сообщество есть филигранное образование, требующее более пластичного обрамления. Например, такое обрамление предложил Бенедикт Андерсон, представляя сообщество вообразимым образованием, которое формирует представления людей

друг о друге и чувство даже в том случае, если эти люди между собой не знакомы¹⁰. Но сообщества есть не только ментальные сущности, но и реальные формы социальной жизни людей. Таким образом, сообщество – в определенном смысле гештальт, форма проявления социального сознания или воли, которая конфигурирует или упорядочивает жизнедеятельность людей. Но и при такой трактовке возникают трудности в определении сообществ и их роли в городской жизни.

Современный американский политолог Роберт Патнэм успешно использует заданную классиками Чикагской социологии теорию формирования сообществ на основе социальных отношений между людьми и территориальной близости. Патнэм утверждает, что ввиду процессов, прошедших с современностью, прежде существовавшие сообщества распадаются, что ведет к снижению социального капитала и солидарности общества. Возможно, прежние способы «собираания» людей вместе действительно уходят, например, соседская общественная организация жизни, основанная на территориальной близости, действительно «отмирает», но ей на смену приходят новые, уже не обязательно основанные на постоянном членстве или территориальной близости. Новые сообщества могут генерировать соприсутствие и доверие и на расстоянии¹¹. Сообщество потому и является общностью, что основано на общем, более укорененном и интенсивном, эмоциональном, нежели другие формы организации общества.

Одним из видов сообществ, мыслимых в категории общности, могут выступать различные добровольные объединения граждан, соединившихся на основе общности интересов для удовлетворения своих духовных или иных нематериальных потребностей, или, используя концепцию Стеббинса, объединенные на основании выбранной формы проведения досуга. Причиной по-

⁷ Коулман Д. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 121–139.

⁸ Как время летит: чем наш жизненный ритм отличается от ритмов предшествующих поколений. Теории и Практики. 2016. URL: <http://theoryandpractice.ru/posts/13420-acceleration>.

⁹ McMillan D.W., Chavis D.M. Sense of community: A definition and theory // Journal of Community Psychology. 1986. Vol. 14. No. 1. P. 6–23.

¹⁰ Андерсон Б. Вообразимые сообщества. М.: Канон-Пресс, 2001.

¹¹ Урри Д. Мобильности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 5 (111).

добного вида самоорганизации граждан могут быть не только личные нематериальные интересы. Так, по результатам опроса, проведенного в рамках мониторинга общественного мнения, И. Мерсиянова и Л. Якобсон выделили следующие основания: необходимость привлечения общественного внимания к проблемам отдельных социальных групп; острота и нерешенность отдельных общественных проблем; неспособность органов власти решать отдельные проблемы или, вообще, их бездействие; желание решить личные проблемы или реализовать личные интересы сообщества¹². Предложенные авторами основания объединения людей рассматриваются в рамках НКО, но можно утверждать, что они пересекаются с теми, которые рассматриваются Стеббин-

¹² Мерсиянова И.В., Якобсон Л.И. Негосударственные некоммерческие организации: институциональная среда и эффективность деятельности // Мерсиянова И.В., Якобсон Л.И. Негосударственные некоммерческие организации: институциональная среда и эффективность деятельности. М.: ГУ-ВШЭ, 2007.

сом в рамках его концепции «серьезного досуга». Ван Тилл рассматривает участие в общественной работе как оказание помощи человеком, который не стремится к получению материальной выгоды и не действует по принуждению со стороны других¹³. Таким образом, социальная (общественная) работа является добровольным оказанием помощи, отличным от работы (в концепции «серьезного досуга» волонтерская деятельность реализуется в свободное от работы время).

Подобная деятельность во вне рабочее время, формирующая вокруг себя сложную социальную структуру, способна создавать ощущение сопричастности, консолидации коллективных возможностей, представляющих собой важный стратегический ресурс общества. Поскольку серьезный досуг, воплощающийся в первую очередь в волонтерской деятельности, является совместным занятием, он способен интегрировать различные социальные позиции.

¹³ Van Till J. Mapping the third sector. New York: Foundation Center, 1988.

Паркер¹⁴ подтверждает данное предположение, показывая, как различные типы волонтеров, осуществляя свою социальную деятельность, вносят вклад в социальную интеграцию, выступают амортизирующим социальным элементом, «латающим дыры» общества.

Эмпирические результаты

Значимым представляется анализ участников, каким-либо образом вовлеченных в деятельность проекта. Следует сказать, что проект характеризуются гетерогенным составом участников – он абсорбирует представителей различных социальных позиций, начиная от типов национальности и заканчивая профессиональными характеристиками. Также состав участников разнороден по стратификационным признакам – это представители различных профессий (фотографы, стилисты, менеджеры среднего и высшего звена, сту-

¹⁴ Parker St. Group life: Individual interests and social purposes in new routes for leisure. World Leisure Congress. Lisbon, Portugal: Instituto de Ciencias Sociais, Universidade de Lisbon, 1994. P. 423–428.

денты, представители, занимающие управляющие позиции, безработные и т.д.), доходных групп. Суждение сделано на основании наблюдаемых внешних атрибутов достатка – личного автомобиля, брендов телефона и другой техники, одежды. Также данное суждение основано на взаимодействии исследователя с участниками вне проекта и наблюдении за практиками проведения досуга и практиками потребления в рамках проводимого совместно времени; дополнительным визуальным аргументом служат публикуемые участниками проекта фотографии в социальных сетях, которые наиболее ярко демонстрируют дифференциацию участников по доходу. Участники проекта также гетерогенны по

своим увлечениям и хобби (подтверждением тому служат публикуемые участниками в социальных сетях фотографии, демонстрирующие их интересы). Состав участников также разнороден с точки зрения демографических признаков. В проекте участвуют представители различных возрастных групп: дети (участников проекта), относительно молодые участники проекта (20–40 лет), а также представители старшего возраста (40+), например, родители, волонтеры. Также состав участников гетерогенен по гендерному признаку: в проекте участвуют как мужчины, так и женщины. Участников можно разделить на несколько типов по характеру вовлеченности в проект. Первый тип

представляет собой «незнакомцев», которые в незначительном объеме участвуют в мероприятиях, но которые, тем не менее, делают эти мероприятия возможными: договариваются с представителями московских кафе и ресторанов о предоставлении места для праздника или привозят детей с ограниченными возможностями передвижения на праздник. Представители данного типа не участвуют в самом празднике, не взаимодействуют напрямую с волонтерами, с детьми и их родителями во время детского праздника, но так или иначе задействованы в организации мероприятий и поддержании деятельности проекта. Второй тип – случайные посетители или «зеваки» – это временные или

случайные участники мероприятия: заинтересованные в происходящем посетители кафе и ресторанов или приглашенные волонтерами друзья, коллеги и родственники. Они также включаются в деятельность проекта, но в конкретный момент времени. Однако некоторые представители данного типа участников включаются в проект и становятся «завсегдатаями».

Третий тип участников представлен волонтерами, участвующими в праздник на постоянной основе. Это «завсегдатаи», как правило, они не пропускают праздники и другие мероприятия проекта, активно взаимодействуют с другими участниками праздника и принимают непосредственное в нем участие.

Последний, четвертый тип – «**посвященные**». Это, во-первых, основатели проекта, и, во-вторых, «завсегдатаи», которые не только не пропускают мероприятия, но активно участвуют в его жизни, доказывают исключительную преданность поддержанию проекта и его продвижению. Данный тип участвует не только в самих мероприятиях, но также в их организации. Более того, они активно привлекают к участию своих друзей, коллег, родственников и знакомых – «зевак», занимаются продвижением проекта в других социальных мирах. Отличительной чертой данного типа является установление их связи с родителями, чьи дети посещают праздники НМС.

Как правило, в благотворительной отрасли и сфере оказания социальных услуг существует две формы – корпоративная благотворительность, где первоначально корпорация, и юридически зарегистрированные благотворительные и социальные организации со своими ресурсами, целями и средствами, в основании которых лежит какая-либо организационно-правовая форма. Некоммерческие проекты, подобные НМС, отличаются от последних тем, что не содержат в своей основе никакой организационно-правовой структуры и образуют комплекс организованных людьми мероприятий, объединенных также определенными задачами и целями: «*Мы просто выбрали такой формат благотворительности, и наша цель была*

такая, чтобы не лезть в серьезные штуки, мы не лезем в законы, мы не лезем в политику, мы не лезем, там, в какие-то серьезные штуки. Мы выбрали как раз тот формат, который будет приносить удовольствие и пользу» (основательница проекта). Простота механизма работы, доступность и открытость проекта, свобода выбора и непринудительность делают возможным существование и поддержание проекта, девиз «помогать просто» в горизонтально организованной деятельности работает эффективно. Проект дает людям, которые хотят и могут быть социально активными, возможность быть таковым: «*Я всегда искала какую-то такую благотворительную организацию, где я могу что-то делать... Этот проект дает возможность как раз вот такой легкой благотворительности. ...Проще потому что, если что, тебя поддержат, ты видишь, что делает твоя подруга, и ориентируешься на них»* (волонтер проекта).

Мотивации участников вариативны и многообразны. Вовлеченность в проект может быть обусловлена идейным мотивом – желанием способствовать интеграции детей с различными ментальными и физическими особенностями в общество и преодолению стигмы исключенной из общественной жизни группы. Участие в проекте также опосредовано личностными потребностями в самореализации или в осмысленном заполнении свободного времени, желанием проработки личных проблем, привлечением в свою жизнь новых людей или желанием получения позитивных эмоций. Причиной участия также служит мотив солидарности, желание быть причастным к сообществу как естественная потребность человека. Особенно стремление быть включенным в сообщество, в группу проявляется в кризисные моменты, когда человек стремится к групповой поддержке и стабильности. Исследование показало, что участники попадают в проект через своих друзей и знакомых, включившихся в него ранее. Образованное участниками проекта чувство сопричастности, дух товарищества – «*мы своего рода единомышленники, семья»* (волонтер

Handmade Charity) – создает ощущение поддержки и взаимопомощи.

Существующие каждый в своем социальном мире, участники проекта сталкиваются друг с другом посредством разворачивающейся во времени и пространстве деятельности проекта. Особенность проекта заключается в том числе в многообразии его участников и сосредоточении различных социальных позиций в едином социальном пространстве. В производство и воспроизводство социальной деятельности вовлекаются различные социальные акторы, согласованные действия которых возможны благодаря единой цели и общему делу: «*ты звонишь и люди, как бы, бесконечно звонят и говорят, там: я везу тебе деньги, я везу тебе помощь, кому мне помочь, у меня есть, там, ресторан, я хочу в нем делать праздник, давайте сделаем это, и т.д. – все единомышленники»* (основательница проекта). Основанием для включения в сеть является желание быть причастным к деятельности, а основанием для объединения – общая цель.

В процессе производства благоприятной интегративной среды помимо основного эффекта образуются побочные, которые условно можно разделить на два типа. Во-первых, это эффекты, направленные на детей с особенностями развития, связанные в первую очередь с дестигматизацией заболеваний, интеграцией и созданием инклюзивной среды. И, во-вторых, эффекты, направленные на общество: «*очень важный момент – благотворительность, она помогает тем людям, которые это делают, чаще она помогает больше именно им»* (волонтер Handmade Charity). Именно социальные эффекты, порождаемые проектом, интересуют нас в данной статье.

Проект меняет стереотипные представления о том, что помогать – это сложно. Предлагая совершенно новый инновационный формат легкой благотворительности и социальной активности, проект представляет собой механизм, запускающий процессы переосмысления социальной реальности. Он создает социальную инфраструктуру, осуществляющую координацию и солидар-

ность социальных групп в едином социальном пространстве. Участие в проекте обеспечивает волонтерам эмоциональный подъем, мотивирующий вовлекаться в него снова и снова. Кроме того, в рамках проекта происходит формирование социального капитала участников: «Я реально встречаю людей...и с ними всегда начинаешь узнавать что-то настолько интересное, что мне хочется знания, которые я получаю от любого участника, ну, впитывать это всё» (волонтер проекта). Рассказывая о том, как они попали в проект, респонденты постоянно возвращаются к описанию своих социальных связей: «Мы шли по улице, и я была с другом, а друг знает Аню, он увидел Аню, они разговорились. Мы так и познакомились, пообщались. Он потом рассказал о проекте, скинул ссылку, я заинтересовалась, потому что давно искала такой проект, где можно было волонтерить, что-то делать» (волонтер проекта). После включения в проект непосредственно на мероприятиях новые участники в процессе взаимодействия друг с другом знакомятся и расширяют границы своего социального круга: участники обмениваются фотографиями, кроме того, они присутствуют в общем чате, который открывает доступ к контактам каждого участника (из наблюдения). Выработываемое между участниками социальное доверие возникает в процессе реального взаимодействия между ними: «если у кого-то какая-то проблема, мы все это обсуждаем и готовы помочь всегда. И все проблемы решаем. Мы действительно доверяем друг другу» (волонтер проекта). Причины формирования доверия кроются в особом, общностном типе отношений, формирующемся в процессе работы над мероприятиями проекта и при непосредственном участии в них: «...это какая-то семья, вот по моим ощущениям, если одним словом, это какая-то моя большая дружная семья, даже несмотря на то что я близко всех не знаю, хотя ощущение, что знаю» (основательница проекта).

При этом был выявлен кластеризирующий эффект проекта: он собирает людей с определенными характеристиками, установками и ценно-

стями: «очень важный момент, две трети – это очень образованные, очень умные, успешные люди. Благотворительность есть среди разных социальных слоев, благотворительность у моей бабушки в деревне не то же самое, что у нас... Образование – это очень важный элемент в благотворительности, балбесов-то и нет, они, даже если и появляются, то не приживаются» (волонтер проекта). Образование действительно является одним из самых сильных элементов, определяющим гражданскую активность в любых ее формах¹⁵. Благотворительная и социальная деятельность проекта наполняется образовательным содержанием, так как в проект способны включаться сознательные и образованные люди, осознающие себя частью гражданского общества. Говоря о людях, вовлеченных в социально-ответственную деятельность, следует подчеркнуть, что «это сознательная, та самая думающая часть общества... благотворительность – это не только эмоциональные, а еще и интеллектуальные продукты, когда ты осознаешь, что живешь в обществе развитом» (старший менеджер московской аудиторской компании). Таким образом, образованность участников благотворительной и социальной деятельности понимается не столько как наличие высшего образования, сколько как гражданская зрелость, способность осознавать существующие социальные проблемы, рефлексировать и включаться в социально-преобразовательные процессы.

Используемое участниками время переживается как наполненное и осмысленное. Восприятие денежных операций в благотворительной среде отличается от денежных операций в рыночной: «Все могут отдать деньги, и это достаточно просто. То есть это точно так же, как мы покупаем подарки от своих близких людей, и таким образом делаем себе скидку на то, что

мы с ними часто не видимся и т.д.» (PR-менеджер московских кафе и ресторанов). Деньги – расцепляющий связи механизм, а время, потраченное на выполнение каких-либо коллективных, социальных обязанностей, способствует интеграции общества. Более того, время – «это подарок, который ты делаешь своими руками, твой вклад – это твоё время и твои эмоции. Это дорогого стоит. Деньги – это не плохо, не хорошо, это по-другому. Это вряд ли может пересекаться» (волонтер проекта). Его «трата» расценивается респондентами как ценный подарок. Время – это ресурс, распоряжение которым сопряжено с моральными основаниями и, значит, носит более осмысленный, социально значимый характер.

Темпоральная черта проекта (праздники проходят в воскресенье утром) способствует также синхронизации различных индивидов, проживающих в городе в различных темпоральных реальностях: «Даже когда переходила на работу, я однозначно сказала, что воскресенье – выходной. Я знаю, что воскресенье – выходной и праздник, как раз все получается» (волонтер проекта). Гарфинкель утверждает, что субъект всегда «использует схему стандартного времени как средство временного планирования и координации своих действий с действиями других, приспособления своих интересов к интересам других и соизмерения темпа своих действий с темпом действий других»¹⁶. Таким образом, проект «помещает» его участников в одну темпоральную среду и пространство, тем самым синхронизируя ритмы участников: они проживают это время совместно, взаимодействуют, общаются друг с другом.

Изучаемый проект отвечает актуальным требованиям темпорального устройства общества. В современных условиях, где время представляется ценным ресурсом и рассматривается в контексте рационального использования, время, потраченное на благотворительную

¹⁵ Натхов Т.В. Образование и доверие в России. Эмпирический анализ // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2011. Т. 15. № 3.

¹⁶ Garfinkel H.A. Conception of, and experiments with, «trust» as a condition of stable concerted actions // Motivation and Social Interaction: Cognitive Determinants. New York: Ronald, 1963. P. 187–238.

деятельность, плохо вписывается в контекст «время–деньги». Оно оказывается сопряженным не только с инструментальной ценностью времени, но и с социокультурными и моральными основаниями. Оно воспринимается как правильное и полезное для себя и для общества. В свою очередь деньги в разрезе благотворительности рассматриваются как инструментально эффективный, но социально бесполезный и разукореняющий механизм. Никак не связанный с денежными операциями проект отвечает, во-первых, установкам участников в отношении своего свободного времени и, во-вторых, запросу на «не денежную» помощь. Время, потраченное на деятельность проекта и его особая темпоральная характеристика – «воскресные утренники» – в условиях полиритмичного города выполняющая синхронизирующую функцию, латентно способствуют интеграции общества.

Заключение

Проект Handmade Charity – пример социального механизма, который в рамках своего масштаба способствует решению конкретной социальной проблемы, одновременно активируя различные социальные процессы. Отвечая на основной вопрос исследования – каким образом формируется среда, отвечающая общественному запросу на общность (объединение), – стоит сказать, что общий контекст создает благоприятные условия для формирования сообщества. Взаимодействие индивидов становится возможным в едином временном пространстве, которое «собирает» всех вместе, и едином социальном мире, который индивиды одинаково осмысливают. Объединение становится реальным в контексте социальной проблемы, вокруг которой объединяются индивиды, и тех «выгод», которые им принесет включение в группу. Взаимодействие не обязательно должно

иметь постоянный или локализованный характер, чувство солидарности с формируемым сообществом может возникать из одинакового осмысления и понимания его участниками ситуации, вокруг которой они объединились. Но в том случае, когда взаимодействие основано на постоянстве и переносится в другие контексты, образуется каркас сообщества, участники которого тесно вплетены в социальные отношения, характеризующиеся эмоциональной вовлеченностью в сообщество и «единомыслием». Деятельность проекта, которую осуществляет группа единомышленников, поддерживается и продолжается посредством мобилизации социального капитала ее участников, укореняясь в горизонтальных сетях, сообщество развивается и распространяется по сети, вовлекая в свои процессы все большее количество социальных акторов и тем самым сея семена сообществ. **Э**

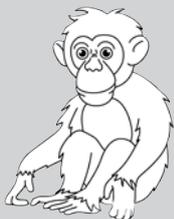
О братьях наших... равных?

Рецензия на книгу: Ф. Де Валь «Политика у шимпанзе: Власть и секс у приматов»¹

Анна Соколова

студентка
образовательной
программы
«Социология»,
стажер-
исследователь
ЛЭСИ НИУ ВШЭ

На фоне того, как современная социология увлечена участием неживых объектов в конституировании социального взаимодействия, дефицит внимания к миру фауны вызывает удивление. В науку критика антропоцентризма проникла достаточно давно, а в общественное мнение – относительно недавно, в виде спишицизма как одной из форм дискриминации наряду с сексизмом и расизмом. И если для рядового социолога тот факт, что в коллекции Пабло Пикассо одно из почетных мест занимала картина, написанная шимпанзе Конго, покажется весьма неожиданным, то для социобиологов он вполне объясним. И это наводит на мысль о том, не стоит ли рядовым социологам обратиться к работам социобиологов в попытках прояснить основы социального.

Социобиология только на первый взгляд кажется тем видом молодой междисциплинарной науки, услышав одно название которой, хочется надменно произнести что-то вроде: «ну, сейчас что только не изучают...». Научный метод и осторожность в построении теорий, объединяющих социальное и биологическое, гарантировали стабильное и нескандальное развитие социобиологии в научной среде, а новизна подхода и неухающая дискуссия о сознании и мышлении у животных – интерес широкой публики. Книга Франса Де Валья – яркое тому подтверждение. Переизданная множество раз, она стала бестселлером и классикой, снискала благосклонность научного сообщества и вошла в список книг, рекомендованных конгрессменам к прочтению в первый год работы. Кажется, что исследование сообщества шимпанзе в зоопарке Нидерландов обещает невероятные откровения о тайной жизни приматов, но на деле оно дает тем, что ее прочитает, намного больше.

Так почему социологам (и не только) стоит прочесть эту книгу?

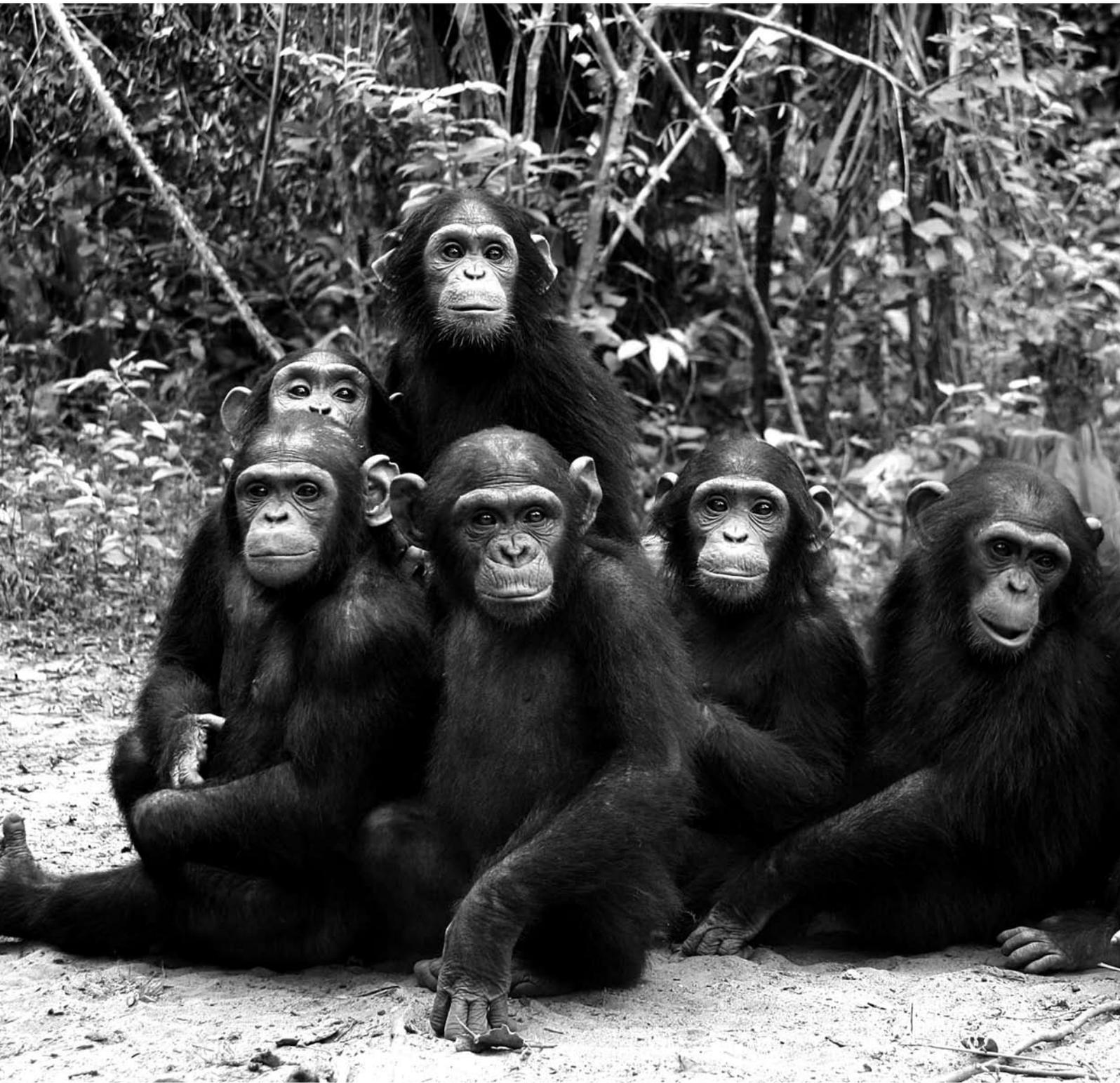
Во-первых, это **красиво** интересно. В вольере зоопарка разворачиваются события, сравнимые с сюжетом «Игры престолов»: герои обретают и теряют власть, дружат и соперничают, любят и ненавидят (осторожно: у читателей, чья социальная жизнь не отличается разнообразием, данная книга может вызвать приступ резкого снижения самооценки). Все это выражается в форме, которую

обычные посетители зоопарка сочли бы совершенно бессмысленной: уханье, оскал, объятие, более или менее сильный удар. Часть книги Де Валь посвящает индивидуальным описаниям шимпанзе из группы, их жизненными историям и чертам характера, и пытается предсказать, какое положение они могут занять в обществе в будущем. Эти истории трогают, заставляют сопереживать – в общем, делают все то, на что обычно рассчитывает потребитель художественной литературы. Редки бывает, что популярное, но все же научное произведение так захватывает своим повествованием. В книге Де Валья и автор, и читатели – всего лишь наблюдатели, чужаки, которым выпал шанс быть свидетелями удивительных событий и историй. Именно познания исследователя, его тщательность в изучении деталей поведения шимпанзе и контекста их действий, а также искренний интерес к объекту позволяют приоткрыть завесу над сложным социальным поведением животных.

Но, безусловно, главная причина, по которой книга Де Валья будет полезна для социолога, – внимание и рефлексия относительно методологии исследования и его ограничений. Основной фокус работы – социальные взаимодействия у приматов, но тому, как изучать эти взаимодействия, в книге уделено столько внимания, сколько хотелось бы увидеть во многих трудах из области социальных наук. В книге можно найти примеры того, как описывать поведение шимпанзе обычным и насыщенным описанием (хотя сам Гирц и его термин не упоминаются в тексте). Книгу хочется назвать этнографической, а при прочтении на ум приходит теория символического интеракционизма, но здесь следует быть такими же осторожными, как сам автор, не поддаваясь очарованию простоты объяснения мира животных теориями и методами социальных наук. Ограничения исследований, которые легли в основу книги, во многом обуславливаются их междисциплинарным характером: слишком сильный перевес социального в объяснении поведения приматов приведет к обвинениям в излишнем антропоморфизме, а только лишь биологические правила не способны объяснить многое из того, что происходит в сообществе. Хотя подобная дихотомия напрямую и не применима к социальным исследованиям, аналогии в полевой работе очевидны: не стоит считать объекты своего исследования роботами, но и не нужно приписывать того, что им не свойственно. Автор подходит к изучению сообщества с максимально «чистой», свободной от предрассудков оптикой, но вооруженным знаниями о специфике поведения его членов (например, особенностями мимики у шимпанзе). Излишне говорить, что знание поля не повредит никому, в том числе тем, кто слишком увлекается обоснованной теорией.

Де Валь отвергает то насмешливое высокомерие, которое возникает у людей при поверхностном ознакомлении с предметом его исследования: сравнение извест-

¹ Де Валь Ф. Политика у шимпанзе: Власть и секс у приматов / пер. с англ. Д. Кралечкина; под ред. В. Анашвили. М.: Изд. дом ВШЭ, 2016.

ных французских политиков с обезьянами исследователь считает оскорблением не для политиков, а для обезьян. Социобиология давно подвергла критике как представления о том, что поведение животных направляется исключительно инстинктами, так и бихевиористские убеждения в том, что оно являет собой реакцию на стимулы внешней среды. Сегодня, по-видимому, настало время окончательно отбросить снисходительное отношение к социальным процессам у шимпанзе и признать их удивительную схожесть с тем, что происходит в человеческом социуме. В том числе и потому, что уже

не раз попытки объяснить превосходство *homo sapiens* над другими видами через способность к определенным видам деятельности терпели провал: шимпанзе способны и делать орудия, и общаться с помощью определенной языковой системы. Снобизм ученым не к лицу, и Де Валь прекрасно иллюстрирует этот тезис.

P.S. Ну а если все написанное выше не убедило вас в том, что «Политика...» достойна прочтения, то, возможно, решительным доводом к ознакомлению с книгой окажется обилие в ней фотографий шимпанзе.

НАД НОМЕРОМ РАБОТАЛИ

Научный руководитель

Вадим Радаев

доктор экономических наук, профессор
департамента социологии, первый проректор,
руководитель ЛЭСИ НИУ ВШЭ

Редакционный совет

Зоя Котельникова

кандидат социологических наук, доцент
департамента социологии, старший научный
сотрудник ЛЭСИ НИУ ВШЭ

Елена Бердышева

кандидат социологических наук, старший
преподаватель департамента социологии,
старший научный сотрудник ЛЭСИ НИУ
ВШЭ

Елена Гудова

аспирант департамента социологии, младший
научный сотрудник ЛЭСИ НИУ
ВШЭ

Софья Урманчева

журналист, редактор

Художественный редактор (дизайн и верстка)

Мария Мишина

социальный психолог, журналист,
дизайнер

Отдельная благодарность

Корректору Елене Евгеньевне Андреевой

НАШИ АВТОРЫ

Ирина Сохань

кандидат философских наук,
независимый исследователь

Анна Круглова

научный сотрудник ЛЭСИ НИУ ВШЭ

Евгения Гержан

студентка факультета маркетинга
и бренд-менеджмента Британской высшей
школы дизайна

Анна Соколова

студентка образовательной программы
«Социология», стажер-исследователь
ЛЭСИ НИУ ВШЭ

Россия, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20.
web: www.hse.ru

ЛАБОРАТОРИЯ
ЭКОНОМИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

Россия, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая,
д. 9–11, комн. 530
тел.: 8 (495) 772 95 90 доб. 12452
e-mail: kotelnikova@hse.ru
web: <http://www.hse.ru/mag/newsletter/>

Адрес редакции

Россия, 101000, г. Москва,
ул. Мясницкая, д. 9–11, комн. 530
тел.: 8 (495) 772 95 90 доб. 12452

Выходит один раз в два месяца
Тираж 500 экз.

Распространяется бесплатно

Веб-версия номера:

<http://www.hse.ru/mag/newsletter/>